Лава и богатство

«Возвращение к барокко» в Неаполе *приглашает* Анна Толстова

Джованни Баттиста Рекко. «Интерьер кухни», середина XVII века. Рейксмузеум, Амстердам

Паоло Финольо. «Распятие», первая половина XVII века. Старая пинакотека, Мюнхен

Бернардо Каваллино. «Рождение Галатеи», середина XVII века. Частная коллекция

Франческо Солимена. «Аллегория частей света», конец XVII века. Собрания Университета Индианы, Блумингтон

МИРОВЫМ туристическим центром Неаполь сделался во второй половине XVIII века. Этим он обязан одному кампанскому крестьянину, рывшему колодец и отрывшему обломки античного театра в Геркуланум. Дело было в 1710 году. Вскоре археологическая лихорадка, овладевшая благородными сеньорами, учеными мужами и обыкновенными авантюристами Неаполитанского королевства, заставила их отложить заботы поважнее вроде войн за испанское и польское наследства и взяться за кирки и лопаты. Из-под земли как грибы после дождя появлялись Геркуланум, Помпеи и Стабии, а античность, дотоле холодная, беломраморная и слегка абстрактная, обретала тепло жизни, сохраненное в законсервированных лавой древних тканях и дереве. Великий Винкельман, прежде чем выпустить в свет окончательную версию своей «Истории искусства древности», четыре раза ездил в Неаполь и облазил все окрестности. Каждый порядочный ученый норовил последовать его примеру. Словом, город у подножия Везувия и сам стал вулканом, извергавшим на Европу образцы неоклассического стиля. По его улицам бродили толпы археологов, антикваров, знатоков, дилетантов и модников, любопытствующие осаждали Музей Каподимонте, а интернационал художников, в том числе и наш Сильвестр Щедрин, засел по берегам Неаполитанского залива рисовать прибрежные скалы, рыбаков, контрабандистов, лаццарони и дымящийся на горизонте Везувий.

Намертво приклеившийся к Неаполю имидж блаженного заповедника археологии не смог подпортить даже фильм Маттео Гарроне «Гоморра», нахвативший призов и поведавший всему миру страшную правду о каморре. Грандиозное предприятие, затеянное неаполитанскими музеями при поддержке всевозможных культурных комитетов и комиссий региона Кампания, должно произвести в Неаполе своего рода туристический ребрендинг. Речь идет о проекте «Возвращение к барокко. От Караваджо до Ванвителли», который курирует один из самых авторитетных итальянских искусствоведов — Никола Спиноза. Это шесть крупнейших музеев города, в каждом из которых открыто по несколько выставок. Более 350 картин, рисунков, скульптур и жемчужин прикладного искусства, свезенных со всего света в дополнение к местным сокровищам и выставленных в дворцовых интерьерах. И наконец, 27 туристических маршрутов по барочному Неаполю и пригородам с осмотром разнообразных палаццо, галерей, церквей и богаделен. В общем, ни слова об археологии и древних римлянах — только безумства барокко и блеск Неаполитанского королевства, столица которого в означенную эпоху была, между прочим, вторым по величине городом Европы после Парижа и любимым местом действия комедий Лопе де Веги.

Хронологические рамки проекта весьма широки. От 1606 года, когда в Неаполь из Рима прибыл Караваджо, едва унесший ноги из Вечного города, где убил на дуэли человека, до 1759 года, когда из Неаполя в Мадрид отбыл Карл III (по местному счету Карл VII), променявший неаполитанский престол на испанскую корону. Рим и Мадрид — города, с которыми Неаполь вечно соперничал и вечно обменивался мастерами и модами. Рим — поскольку все лучшее в христианском мире стекалось к папскому двору. Мадрид — поскольку с начала XVI века Неаполь был под властью испанских Габсбургов, а позже — испанских Бурбонов, что весьма способствовало интенсивности культурных контактов.

Упомянутые в названии живописец Караваджо и архитектор Ванвителли, хотя первый уроженец Ломбардии, а второй и вовсе голландец по крови, в искусстве были римлянами до мозга костей. Изгнанник Караваджо привез в Неаполь римское барокко в самом его начале, чувственное до обморока, спиритуалистическое и грубовато-плотское одновременно. Скандалист и искатель приключений, он пробыл в Неаполе в общей сложности не более восьми месяцев, оставив после себя десяток картин и великое множество подражателей. От этой прививки неаполитанская школа не смогла оправиться вплоть до середины XVIII века: Хосе де Рибера, Баттистелло, Массимо Станционе, Маттиа Претти, Лука Джордано, Франческо Солимена — все лучшие живописцы Неаполя впадали в грех караваджизма той или иной степени тяжести. Луиджи Ванвителли привез римское барокко в самом его конце, выхолощенное и величественно-пустословное. Карл VII Неаполитанский позвал его строить самый большой в мире дворец — самый большой в мире театр, Сан-Карло, в Неаполе к тому времени уже имелся. Ванвителлиев Королевский дворец в Казерте должен был затмить Версаль: по размерам он и правда превосходил все сооружения Европы, а разбивка бескрайнего парка с прудами, каскадами, фонтанами и колоссальным акведуком заставила передвинуть городок Казерта на 10 км. Но когда эту «лебединую песню барокко» в конце концов достроили, оказалось, что Версали безнадежно вышли из моды.

Надо полагать, гигантомания проекта «Возвращение к барокко» идеально соответствует особенностям неаполитанского материала. В Музее Каподимонте можно будет увидеть живопись и графику с начала XVII до середины XVIII века, от Караваджо до Франческо Солимены. В палаццо Реале — архитектурные проек-